

СЧАСТЬЕ НИКОЛАЯ ЧЕРКАСОВА

К 80-летию со дня рождения народного артиста СССР

— Что такое счастье? — переспрашивает Николай Константинович и лукаво улыбается.

Мы стоим у спуска к заливу. Уже поздний вечер, но сегодня солнце опять не упадет в воду. Отсюда, с крутого холма, кажется, что оно только понежится в зеленой постели из вершин сосен и пойдет на новый круг по земле...

В последние годы жизни Черкасов нечасто бывал в Комарове. На даче, затененной соснами, ему дышалось, по-видимому, нелегко: давала себя знать болезнь легких, да и сердце работало не лучшим образом, но тем не менее он любил уводить гостей к самой кромке воды, глотнуть морского воздуха.

— Счастье! — сложив ладони рупором, кричал он заливу. — Что ты такое?

Вечная перебранка чаек заглушала его уже чуть свевший голос. Ответ не приходил. Впрочем, он ему был не нужен, такой, со стороны, как подсказка суфлера. Ему выпала счастливая судьба. Нет, не выпала. Он сам был творцом ее. Конечно, талант для актера — что крылья для птицы. Но не только щедрая одаренность от природы помогла Николаю Константиновичу стать тем, кем он был и кого — что там кривить душой! — сегодня так не хватает театру и кино: подлинно народным артистом. Не только по званию. По смыслу и направленности дарования.

Было время, когда кто-то поговаривал, что Черкасов, мол, актер средней руки, а выручает его удивительная интуиция. Эти люди ошибались. Сегодня, перебирая в памяти сыгранные им роли, думаешь прежде всего не о том, может быть, и важно, но узкопрофессиональном, а о главном, о его неукротимом желании утверждать идеалы своего времени, своего народа. Гражданственность была сутью его натуры, а вера — единственным поводырем. Конечно, были случайные находки, была интуиция, были хорошие роли. Но все это давало о себе знать, наиболее полно проявлялось прежде всего потому, что Черкасов верил в предназначение актера как трибуны, способного увлечь зрителя исповедью и проповедью человека, безгранично верившего в то, что зло будет побеждено добром, побеждено не так, как порой рисуют в цветных иллюстрациях к книгам, а беззаветным выполнением своего долга, умением быть плечом к плечу с соотечественником. Он вкладывал в свои роли весь запас оптимизма, убежденный, что жизнь можно и нужно переделать в соответствии с чаяниями народа, неуклонно воплощая в жизнь ленинские идеалы.

Но и роли формировали его самого. Почти десять лет рядом он был депутатом Верховного Совета СССР. Интересно было наблюдать его на этом посту. Нет, он не играл своего любимого профессора из кинофильма «Депутат Балтики». Но Климент Аркадьевич Тимирязев, послуживший прототипом профессора Полежаева, казалось, диктовал ему поведение и решения. Не все мог сделать Черкасов для тех, кто обращался к нему как к депутату Верховного органа власти. Но все видели, как он хотел помочь, как был непримирим к рутине. Он приходил в театр возбужденный, обращался к друзьям, в горьком или обком партии, к тем, кто мог ему

помочь, ибо видели: горе, с которым он сталкивался, становилось его собственным горем, а несправедливость душила его сильнее, чем болезнь легких. Не припомню, сколько мы написали с ним вместе писем по его депутатским делам, как, подобно шахматной задаче, решали, что следует сделать, чтобы не просто откликнуться, а действительно помочь людям.

— Вы знаете, кое-где меня побиваются, как грома небесного, — весело говорил он, потирая руки. — Ужо мы им, бюрократам, зададим!

И задавал! Это ему удавалось потому, что он никогда не хотел, да и не мог действовать в одиночку. Он был глубоко партийным человеком. И поэтому прежде всего за содействием обращался к власти и партийным органам.

Только несколько раз мне довелось присутствовать на его депутатских приемах. Он выслушивал жалобы или предложения, хитро поглядывая на меня: «Ну что, дружок, посоветуете?» А советовать ему было не нужно. Он сам легко отличал зерна от плевел. Вот тут действительно интуиция выручала его. Множество ролей, которые ему самому пришлось сыграть, с которыми он сталкивался за долгую работу в театре и кино, помогли ему научиться разбираться в людях.

И опять-таки шла взаимная связь.

Помню, он рассказывал мне о читке в театре пьесы С. Алешина «Все остается людям». Главный режиссер театра Л. С. Вивьен предупредил Николая Константиновича, что ему предстоит сыграть в будущем спектакле главную роль, и намекнул, что автор и пьесу писал, мол, в расчете на него.

— А я сидел, слушал, реплики отскакивали от меня, — словно бы внившись Черкасов. — И вдруг что-то выстрелило в ухо, а отдалось в сердце.

И он напомнил сцену беседы академика Федора Алексеевича

Дронова — человека неизлечимо больного — с врачом. Доктор был заинтересован, чтобы его пациент, так много сделавший для своей страны, получил бы как давно заслуженную премию несколько лет жизни на полном покое. Но именно это предложение Дронов рассматривает чуть ли не как святотатство. Ведь дело, которому он отдал себя без остатка, без него застопорится... И Дронов говорит сначала спокойно, рассудительно, а потом все более распаляясь:

— И вообще нужен именно я, потому что эта работа — моя плоть, мой мозг, мое дыхание, я сам. А вы хотите, чтобы я все это бросил. И что? Отдыхать? Для чего? Чтобы прожить на год, на два больше в безделье.

Это говорил со сцены герой пьесы, но так же мог сказать Николай Черкасов о себе, о своей судьбе — актерской и человеческой.

В эти дни ему исполнилось бы 80 лет. Только 80. А как давно он ушел от нас, как не хватает его нам! Есть прорывы в цепи, трудно восстанавливаемые. Черкасов — тому еще один пример, ибо он как актер обладал завидным умением не просто создавать достоверные характеры, но и определенный нравственный эталон. С экрана кино и подмостков сцены он словно бы обращался к зрителям:

— Хотите лучше послужить Отечеству, попробуйте поступить вот так. Ну хотя бы как профессор Полежаев или великий русский критик Стасов, как Горький или Маяковский. Ну а если нужен пример из далекой истории, вспомните Александра Невского.

Из многих ролей, сыгранных Черкасовым, значительное число составляли роли-портреты. Что ни роль — то вершина человеческого духа. Все они разные, но что-то объединяет их.

— Помните, — говорил мне Черкасов, — Ленин писал, что всегда важно найти основную нить, держась которой можно идти и дальше вперед, и вглубь. Для

меня во всех ролях важнее всего духовная общность героев. Все они были подвижники.

Искусствоведы говорили о редком даре перевоплощения. А ему дороже всего была собственная нерасторжимость действия с мыслями, поведением, действием персонажей, которые он воплощал. Это требовало от него огромных затрат сил, энергии. Не раз я присутствовал в комнате, где он отдыхал и разгримировывался после спектакля. Он не спешил. Кто-то из костюмерш приносил стакан горячего чая. Он прихлебывал мелкими глотками и, сидя перед зеркалом, длинными, очень подвижными в суставах пальцами то снимал наклейку, то стирал грим. Постепенно образ, который только что потряс нас, уходил как будто бы в зеркало. Но и с Черкасовым было интересно. Исчезал портрет героя — открывался характер самого актера. Он как бы понимал наши мысли, понимал, как много мы получили только что, и старался отвлечь нас, чтобы не уподобиться глыбе, скатившейся на нас со сцены.

— А не прогуляться ли нам до Кировского моста? — приглашал он. — Надо поговорить.

Мы шли в ленинградской ночи с редкими троллейбусами и автобусами, пренебрегая зовом зеленых огней такси. Шли молча. И, казалось, ему, отдыхающему, вовсе не нужен был попутчик, и говорить ни о чем не хотелось. И вдруг на Марсовом поле он останавливался и спрашивал:

— Что вы знаете о «Скупом рыцаре»?

Ленинградский академический театр драмы имени Пушкина, в котором много лет работал Черкасов, собирался ставить «Маленькие трагедии». Роль Скупого предназначалась Черкасову. Он немного страшился ее. Не потому, что знал — мало кому удалось сыграть ее по-настоящему. Его тревожили длинные монологи. Ведь дышать ему на сцене становилось все труднее и труд-

нее. Но он не отказывался.

— Такая компания подбирается, — радовался он. — Симонов, Чесноков, Фрейдлих, Мамаева!..

Мы шли дальше. И говорил не я, а он. Оказывается, он уже успел прочесть немало и о «Маленьких трагедиях», и о «Скупом рыцаре». Он просто проверял себя.

— Театр пригласил известного пушкиниста Бонди побеседовать с труппой и исполнителями, — напомнил я ему.

— Это прекрасно! Я прочел статью Сергея Михайловича «Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX века». Буду перечитывать ее сегодня на ночь.

Мне оставалось только удивляться. Статья С. М. Бонди была напечатана в научном сборнике, вышедшем еще до войны и тогда уже ставшем библиографической редкостью. Как артисту удалось разыскать ее?..

Было бы неправдой сказать, что во всех сыгранных ролях Черкасов неизменно добивался успеха. Ровный путь — только у посредственностей. Истинный художник может и ошибиться, но ошибка для него тоже своеобразный трамплин к достижению новых высот. И творчество Николая Константиновича Черкасова — лучшее доказательство этой истины. Большого художника мы судим по вершинам, по тому, что он оставил нам в наследство. Ведь от этой доли оставленного мы сами становимся богаче.

Не в этом ли счастье художника?

И снова, уже через годы, я вижу Черкасова на берегу Финского залива, по-юношески стройного и лукавого.

— Счастье! Что ты такое?..

И могучий голос времени сообщает нам свой беспристрастный ответ.

Д. ХРЕНКОВ.

Ленинград.